

**В вихре
времени**

Вадим МЕЛЬНЮШКИН

ВЗРЫВНИК

Заброшенный в 1941 год

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *П. Ильина*

Мельнюшкин, Вадим Игоревич.

М48 Взрывник. Заброшенный в 1941 год / Вадим Мельнюшкин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 384 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-04-004082-7

Продолжение бестселлера «Окруженец».

Затерянный в 1941 году, заброшенный на оккупированную немцами территорию, «попаданец» начинает диверсионную войну против захватчиков. Взлетают на воздух мосты, катятся под откос эшелоны с техникой и боеприпасами, пылают вражеские аэродромы, гибнут в засадах полиция и целые зондеркоманды.

Немецкое командование вынуждено бросить против партизанской армии не только карателей, но и снятые с фронта войска, охоту за ВЗРЫВНИКОМ ИЗ БУДУЩЕГО ведут латышские эсэсовцы, и кольцо вокруг «попаданца» сжимается всё туже...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004082-7

© Мельнюшкин В., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим можно плакать.

*Семён Гудзенко —
поэт-фронтовик*

В море соли и так до черта,
Морю не надо слез.

*Андрей Вознесенский —
просто великодушный поэт*

ПРОЛОГ

Старшина замер, молча шевеля губами, то ли молясь, то ли ведя обратный отсчёт. Рука без рукавицы, лежащая на рукоятке подрывной машинки, напряглась и побелела. Рядом с ним замер помощник, держа оголённый провод около клеммы аккумулятора. Для перестраховки старшина бросил сразу две подрывных линии, благо провода у нас хватало. Цепь зарядов была соединена детонирующим шнуром. Кроме того, электровзрыватели, подсоединённые к подрывной линии, стояли в нескольких местах по всей длине поезда, поэтому даже неоднократный обрыв шнура или несрабатывание части взрывателей не скажется на окончательном результате. А вот вторая линия зарядов, которая должна была поразить сошедшие с пути или опрокинувшиеся пассажирские вагоны и срабатывающая с минутным примерно замедлением, могла ударить вхолостую. Ну, или, по крайней мере, не в полную силу.

— Давай, — Кошка крикнул и вдавил рычаг. Его помощник тут же опустил провод, я даже заметил искру в месте контакта.

Под колёсами поезда мгновенно вспучились большие белые клубы — снег подняло ударной волной от распределённых по одному рельсу зарядов. Тяжёлый

бронированный состав продолжал двигаться, хотя и заметно замедляя ход, одновременно кренясь на левую сторону. Инерция бронепоезда была такова, что он с выбитой из-под колёс опорой продолжал двигаться, отказываясь остановиться или упасть. Из-под вагонов уже летели комья мёрзлого грунта, куски повреждённых взрывами рельсов и обломки дерева, а подчас и целые шпалы. Наконец, пролетев так метров тридцать пять — сорок, первый вагон рухнул на бок, разметав по полю платформы, что были прицеплены спереди. Те, в свою очередь, кувыркаясь, разбрасывали сложенные на них рельсы, шпалы и мешки с песком. Следующий вагон врезался в первый и бортом попытался влезть на своего собрата. Инерции уже не хватило, тем более что от удара первый опять прополз пару метров, и он замер, только слегка приподнявшись. Следующим был бронированный паровоз. Его массы хватило, чтобы сдвинуть кучу-мала ещё на полметра. Четвёртый и пятый вагоны просто рухнули на левый бок, а вот два пассажирских, имея меньшую массу, тоже заваливаясь на бок, всё же попытались запрыгнуть на последний вагон бронепоезда. Первому почти удалось, тем более что его пихал в зад второй. Он стал налезать на броневагон, долез до половины, но вдруг соскользнул и рухнул в нашу сторону, закрывая собой хвост бронепоезда. Последний пассажирский тоже упал на бок, но как-то вяло, без огонька.

Зрелище было просто феерично, потому все наблюдающие за катастрофой хранили молчание. Вдруг вдоль искореженной насыпи вспухла ещё череда взрывов, только слегка задев хвост состава. Это были заряды, заложенные с замедлителем. Как и пророчествовал старшина, толку от них оказалось не слишком много.

Слева и справа от меня начали вскакивать люди. Куда это они? А, ну да, в данный момент оказывать

нам сопротивление некому. Возможно, через несколько минут ехавшие в поезде и очухаются, но пока есть возможность, следует сократить расстояние без предварительного обстрела. Конечно, двигаться будем по открытому полю, но раз пока не стреляют, то надо поспешить.

До насыпи было метров двести, и мы пробежали их достаточно скоро. Сначала переохлаждённые и застоявшиеся, точнее, залежавшиеся члены не давали двигаться быстро, но, скоро разогревшись, мы притопили и были у вагонов не позже чем через пару минут. Пospели как раз к тому моменту, когда первый фриц полез наружу. В вагонах творилось чёрт-те что — крики, стоны, ругань, вой... Вылезавший немец, увидев нас, замер, а затем попытался сползти обратно. Выстрел откуда-то справа — и он рухнул в снег.

...Лето сорок первого года оказалось катастрофичным как для Красной армии, так и для Советского Союза в целом. Вермахт стальным валом прокатился по приграничным областям страны и устремился в её глубь. Немцам некогда было разбираться с одиночными красноармейцами и гражданскими лицами, стремящимися вырваться из окружения. Одним из таких окруженцев оказался студент железнодорожного института Константин Шеин. В связи с неудачным стечением обстоятельств его настигла случайная вражеская пуля, оборвавшая молодую жизнь. В этот самый момент мое сознание и перенеслось в новую телесную оболочку. Получив память погибшего, но утратив свою, я оказался на распутье, но враги не оставили мне другого выбора, как продолжить борьбу.

День за днём, операция за операцией росли численность, опыт и решимость созданного мной партизанского отряда «Полоцкий мститель». Начиная с небольших диверсий на автодорогах и освобождения слабо охраняемых групп советских военноплен-

ных, партизаны наращивали темп атак и наносимый врагу ущерб. Захватив склад трофейного вооружения и разгромив охрану концлагеря, мы приступили к формированию полноценного воинского подразделения, до обретения которым реальной силы, конечно, ещё далеко.

Но, даже имея достаточное количество вооружённых людей, невозможно вести полноценную борьбу во вражеском тылу без поддержки населения и на голодный желудок. Наведение отношений и зарабатывание авторитета у местных жителей — совсем не последнее дело для командира партизанского отряда. В одно из тайных посещений Полоцка я познакомился с Ольгой, работающей хирургом в немецком госпитале, и влюбился в нее, как мальчишка. Именно она предупредила о готовящейся карательной операции айнзатцкоманды. Каратели попали в засаду, но отряду пришлось покинуть ставшее опасным место расположения. Однако мы не просто спасались бегством, а совершили рейд по тылам врага, уничтожая инженерные сооружения, технику и личный состав противника.

Вернувшись на прежнее место через месяц, я узнал о крупном теракте, совершённом подпольщиками в Полоцке, и об опасности, грозящей любимой девушке. И, конечно, немедленно бросился в опасный город.

ГЛАВА 1

Телега, запряжённая меланхоличной невысокой лошадкой неясного по причине запылённости и общей неухоженности цвета, неторопливо приближалась к пропускному пункту. Двое часовых, шутце и гефрайтер, негромко обсуждали что-то явно не сильно интересное, судя по скучающему выражению их лиц. Хотя нет — они, скорее, не скучали, а были утомлены. Усиление сняли только два часа назад, а до этого эсэсовский штурмманн, приданный, а точнее поставленный следить их посту, успел достать до печёнок своим снобизмом и неприкрытой наглостью. Полдня пришлось лазить по телегам и обыскивать всех подряд русских, проходящих через пост. Ладно бы ещё женщин, но лапать мужиков! Урод! Причём хоть бы какой толк был — как этот придурок взъелся, когда Карл взял кусок сала с телеги у русского, чуть ли военным судом не грозился. У этих «чёрных» совсем голову выстудило? Отто сплюнул на землю и махнул рукой подъехавшему убогому транспортному средству, требуя остановиться — скоро смена, а ничего приличного к ужину нет, без хорошего куса свинины жрать то варево, что готовит новый повар, просто невозможно.

— Halt! Papier! (Стой! Бумаги!)

Бородатый русский тут же засуетился, протягивая документы.

— Я бургомистр Говоров. А это племяш мой, вот здесь я на него сам бумажку выписал. Образованный — жуть! Студент! По-вашему шпрейхает, закачаешься. Переводчик.

Из всего, что болтал русский, Отто понял только то, что мужик числится бургомистром какой-то занюханной деревеньки, что было совсем не важно. Во-первых, он пропускал его уже не в первый раз, а во-вторых, так было написано в документах. А вот молодой парень, сидящий рядом с бургомистром, активно не понравился — не было в его взгляде страха и угодливости, которые немец привык видеть в глазах русских.

— Aufstehen! (Встать!)

Бургомистр сжался, а глаза его забегали из стороны в сторону. Парень же мягко соскочил на землю и встал без движения, уставившись прямо в глаза. Несмотря на отсутствие страха взгляд его не нёс угрозы, которую хоть изредка, но Отто замечал в бросаемых на него взглядах некоторых русских, особенно освобождаемых им от излишков продуктов и противного деревенского шнапса. Парень смотрел внимательно, но в то же время как-то отстранённо, как будто всё происходящее его не касается. Как это у него получалось, понять невозможно.

— Papier! (Бумаги!)

— Так я же говорю, господин унтер-офицер, вон я ему выписал папиру! — снова засуетился мужик, указывая на документы в руках Отто.

— Russische papier! (Русские документы!)

По возрасту парень вполне подходил под службу в армии, да и причёска какая-то странная у него. Русские же солдаты имели из документов только зольдбухи. Правда, если он какой-нибудь крестьянин, то у него может не быть никаких документов

вообще, но тогда его можно просто сдать эсэсовцам для разбирательства. Но парень спокойно сунул руку в карман чистого, но повидавшего жизнь пиджака и вытащил небольшую книжечку, в которой без труда узнавался русский документ — так называемый паспорт.

— Ich bin Student. Nicht ein Militär. Moskau. Studieren. (Я студент. Не военный. Москва. Учиться.)

Акцент у этого русского был просто ужасен. Покрутив в руках документ и сличив фотографию, Отто задумался.

— Господин офицер, племян это мой. Слышал, как шпрейхает? Во! — мужик показал оттопыренный большой палец правой руки, одновременно левой протягивая завёрнутый в кусок материала приличный по размеру свёрток. — А это вам, закусить. Швайне. Вкуснющая, пальчики оближете.

Карл быстро принял свёрток и махнул Отто рукой. Мол, чего встал, пропускай. Молодой русский был подозрителен. Как-то знакомо он двигался, хотя это, наоборот, успокаивало, как будто тот человек с похожей моторикой был не опасен, а, наоборот, внушал доверие. Так и не разобравшись в своих чувствах, караульный протянул документ русскому и решил выкинуть всё произошедшее из головы.

— Schnell! (Быстро!)

Молодой легко вспрыгнул на телегу, старый щёлкнул вожжами, негромко прикрикнув на лошадь, и телега медленно покатилося в сторону городских домов.

* * *

— Эх, Костя, за ногу тебя, кому я говорил — сделай морду попроще, пожалостливей.

— Нормально всё прошло, Кузьма, ну какая жалостливая морда у московского студента?

— Обычная. Надо было всё ж фингал тебе поставить, тогда совсем хорошо было бы.

— С фингалом согласен, тогда и морда, и страх в глазах были бы к месту, но каждые два часа давать себе лицо бить не хочу.

— И что, правда, больше двух часов не держится?

— Проверено, через час уже жёлтый, а потом совсем сходит.

— Ненормальный ты всё ж.

— А кто спорит? Сейчас в комендатуру?

— Ну да, папиру тебе славную выпишем, чтобы не цеплялись, попереводишь мне, а к вечерку к своему связному отправишься. С ночёвкой, небось?

— С чего такие мысли?

— Как будто ты так сорвался бы мужика спасти, да всю дорогу, как на иголках, дёргался.

— Ну да, угадал.

— Не гадал я, так всё видно.

— Лады, замнём для ясности — ушей кругом много.

Полоцк городок невеликий, даже наша не слишком резвая коняга дотащилась до комендатуры за четверть часа. Здесь тоже стоял парный пост, но, кроме немцев, рядом ошивался местный безоружный холуй, почему-то в польской форме и конфедератке. Переговоры прошли в том же ключе, правда, без взятки, но с демонстрацией знаний языка, что вызвало гримасы немцев и победный взгляд холуя. Я на его месте не особенно радовался — язык он знал препогано, и не били его только потому, что указать на неточности его перевода было некому — потому этот умник и нёс всякую околесицу, попадая пальцем в небо в половине случаев. Я, естественно, влезать не стал, оно мне надо?

Наконец нас пропустили в хозяйственный отдел. Тот находился на первом этаже левого крыла и отдельно не охранялся. При входе же в правое крыло и на лестнице стояло ещё по часовому. Или орднунг,

или бояться. Чиновник, принявший нас, был немолод и русский знал прилично. Своеобразное произнесение шипящих выдавало в нём подданного Царства Польского, получившего образование ещё при царе, но либо многое крепко подзабывшего, либо не считавшего в предыдущие годы, что память о бывшем общем государстве ещё для чего-то нужна. Что интересно, с Кузьмой он вёл себя как хозяин, сам будучи обычным рабом. Интересно, догадывается ли он об этом, упиваясь своим положением? Кузьма гнул, что еды у него нет, поставлять нечего, рабочей силы выделить не может... В общем, не шёл на уступки ни по одному вопросу, каждый раз требуя с поляка документ, что германская армия готова отказаться от попытки получить что-либо в следующем году, если сейчас потребует хоть центнер картофеля или одного человека.

— Нет, вы мне бумагу напишите! Мол, забирая сейчас семенной материал, рейх готов отказаться от будущего урожая, а также понимает, что голодные люди уйдут в лес и будут грабить и бандитствовать. Пишите, что бандитствовать разрешаете. Этих бандитов в лесу и так развелось...

За спиной скрипнула открывающаяся дверь. Вот же ж, твою же... Считал, понимаешь, вероятность встретить знакомого — получай цельных две знакомых физиономии, Борового и Фефера. Вновь прибывшие тоже сначала слегка подрастерялись. Не растерялся Говоров.

— Вон племяша моего, Костю, с месяц назад так избили — три недели пластом пролежал, думали, уж всё. А из-за чего — картоплю отнять пытались, а он полез. И что? Да ничего. Его отметелили прикладами, а картопли два воза в лес утащили. И лошадей, и телеги — всё с концами.

— Вам для поимки бандитов германским командованием оружие выдано.

— Ага, и винтарь тоже унесли.

— Он должен был задержать их и сдать в комендатуру.

— Тю, один с винтарём против двадцати рыл с пулемётами? Ну, господин хороший, ты и сказанул. Если бы он за оружие схватился, просто убили бы.

— На позапрошлой неделе бургомистр Балагуша арестовал трёх бандитов.

— Ага, слышали, только вот оружия при них не было, обычные беглые из лагеря. И где теперь тот Балагуша? На осине висит!

— Как, кто посмел?

— Вас они забыли спросить, господин хороший, те, кто его подвесили. Фефер, ты на осину хочешь?

— Не, мне и на этом свете неплохо, — Герман с Григорием, похоже, уже оклемались и решили вступить в полемику, давя на поляка. Верно, по тому же вопросу приехали — как немчуру послать и самим крайними не оказаться.

— Костя, ты как, отошёл? — сделал участливое лицо Боровой.

А это мысль, надо воспользоваться.

— Чуть не отошёл, Гриша, но выкарабкался. Боюсь только, с почками беда — ссу кровью. Мне бы бумагу какую, чтобы в больничку, — это уже обращаясь к поляку.

Кузьма мигом понял мой манёвр, хотя раньше мы такой поворот и не обсуждали.

— Да, господин Вуйцик, пострадал человек за рейх, кто ему поможет?

— А я тут при чём?

— Ну, уж нет, ясновельможный пан, если вы не будете помогать тем, кто борется за победу германского оружия, то кто будет? Я ведь к господам немцам пойду — скажу, что пан Вуйцик не хочет помогать, а значит, что?

— Ладно, ладно. Только медициной я не заведу. Вот, — поляк написал несколько слов на осьмушке серого бумажного листа и сунул Кузьме. — Отнеси в шестой кабинет.

— На, Костя, слышал куда? Иди, а мы тут с паном ещё поговорим.

Ну, похоже, в три рыла они его заплюют.

Шестой кабинет оказался в охраняемом крыле. Пятиминутные переговоры с охранником закончились вызовом разводящего, или кого-то подобного, после чего недовольный унтер-фельдфебель провёл меня в пресловутую палату номер шесть. Сидящий там занитетсфельдфебель только глянул на мою бумажку и выдал другую ксиву — как я понял, обычный пропуск в госпиталь, после чего меня выставили из здания.

Дорогу до госпиталя хоть и знал, но спросить пару раз язык не отвалится. Часовой у входа в здание госпиталя только глянул одним глазом на пропуск и забыл о моём существовании. В коридоре поймал первого же попавшегося санитаря, оказавшегося немцем, а так как мне нужно было добраться именно до Ольги, то с этим парнем мне не удалось договориться, после чего тот спихнул меня на медсестру или санитарку.

— Что вам? — немолодая уже женщина имела загнанный вид и нездоровый цвет кожи, волосы, выбивающиеся из-под косынки, также не блистали здоровьем и чистотой.

— Мне бы доктора, лучше русского.

— На что жалуетесь? — женщина устало провела рукой по лбу, стирая бисеринки пота.

— Побили меня сильно, с тех пор болею.

— Господи, что болит-то: руки, ноги, голова?

— Писать мне больно, — сделал смущённый вид. — И кровь.

— Ясно, почки. Из русских врачей у нас только Ольга Геннадиевна, но она на операции. Раньше чем через час не освободится.